

Д. ПАСМАНИК

Черно-белое

Один мой приятель, берлинский художник, лет двадцать тому назад показывал мне свои рисунки, сделанные все из черных линейных орнаментов на фоне белой бумаги. Тогда это была новость. Мой приятель ожидал от меня выражения одобрения, восторга, признания. А я не мог скрыть своей правды: все его рисунки были мне не по душе. В них была сухая схематичность, от которой веяло надуманностью, нежизненностью, т. е. фальшью. Жизнь сложнее, красочнее, разнообразнее. С тех пор я нажил себе врага: художники ведь очень обидчивые люди. Но потеря приятеля не помешала тому, что я с тех пор не перевариваю ничего черно-белого, где бы оно ни проявлялось: в рисунке, в писаном слове, в мысли, в жизни. Черно-белое до сих пор остается для меня огромной ложью, отвратным исканием жизненной красоты.

На днях мне опять пришлось столкнуться с черно-белым в области русской эмигрантской мысли.

5 июня проф. И. А. Ильин прочел в Париже доклад на тему: «О сопротивлении злу». Новая газета П. Б. Струве «Возрождение», публикуя сообщение о предстоящем докладе, сообщала: «В Праге речь И. А. Ильина произвела на слушателей как русских, так и чехов, огромное впечатление и явилась целым событием в русской пражской жизни. После этого она с большим успехом была повторена в Берлине». Следовательно, предстояло приобщиться к «целому событию» в русской пражской жизни. Я не помню: может быть, ваш пражский корреспондент уже сообщал вам об этом «событии», но все же я считаю не лишним вернуться к нему, ибо если эта речь — событие, то очень печальное, с которым надо бороться.

Содержание речи, продолжавшейся добрых два часа, сводится, в сущности, к следующему.

Есть любовь сентиментальная, чувственная и есть любовь одухотворенная, освященная христианской божественностью. Настоящая любовь — только последняя. Эта любовь вовсе не обозначает всепрощение, как обыкновенно думает весь христианский мир. Евангелие повелевает прощать врагам, но только личные обиды. Но если оскорбляют святые Божественные, дух человеческий, отечество, прощения быть не может. Евангелие повелевает, если тебя ударят в одну щеку, подставить вторую, но Христос изгоняет из храма мытарей и всех кощунствующих. Более этого: Евангелие грозит даже мечом тем, которые оскорбляют божественные установления, вы уже сами понимаете, каковы выводы из этих положений: во имя духовной любви можно и должно уничтожать (лектор употребил термин «казнить») врагов Божьих, врагов отечества, растлителей малолетних. Лектор не постеснялся иронизировать над теми, которые во имя какой-то сентиментальности отказываются *доносить* на врагов добра и святости... Я слушал, и на душе у меня все более и более сгущалось чувство беспредельной тоски, все углублялось ощущение патологического; временами казалось, что там, на трибуне, бредит сумасшедший. Но нет, четко и звучно формулировалась линейная черно-белая мысль. И мне стало вдруг очень ясно: большевистский яд отравил лучших. Ильин проповедовал мораль чекистов, только навыворот.

И где смысл всей этой проповеди? Выходило так, будто мы в состоянии расправиться с эмиссарами Сатаны, растлившими Россию, но по мягкодушью и под влиянием ложно понятой христианской любви мы стесняемся снять головы всем этим Зиновьевым, Рыковым, Калининим, Каменевым, Фрунзе, Дзержинским¹ и т. п. Как будто, когда велась фактическая борьба с большевиками при Корнилове, Колчаке, Деникине, Врангеле, люди справлялись с Евангелием, надо ли уничтожать врагов России или нет. Как будто в зале между слушателями был бы хоть один, который сомневался бы, как поступить с большевиками, если материальная сила была бы на его стороне.

Все содержание доклада Ильина было, таким образом, беспредметное, бесцельное, ибо в реальной жизни нет вовсе той проблемы, которую выдвинул докладчик. К сожалению, между его слушателями присутствовали и такие, которые, *если могли бы*, расправились бы основательно не только с большевиками, но вообще со всякими инакомыслящими, вроде покойного В. Д. Набокова² или поныне здравствующего П. Н. Милюкова. На днях лишь морской офицер, *по поручению целой организации*, оскорбил действием генерала русской армии только за то, что послед-

ний думает иначе, чем кирилловцы³. Да нет, вся русская жизнь по эту и по ту сторону рубежа слишком насыщена ненавистью и враждой, чтобы надо было проповедовать мщение *на основании Евангелия*.

Но знаете, что меня больше всего опечалило? То, что Ильин вовсе не верующий христианин, он вовсе не Торквемада⁴, он лишь подражатель Победоносцева⁵. Христианство для него является средством, орудием государственной целесообразности.

И это самое опасное, ибо такая политика разлагает всякое искреннее религиозное верование, она может оправдать некоторые, на первый взгляд непонятные нам поступки Патриарха Тихона⁶. В одном я убежден: глубоко верующий христианин не мог бы повторить мысли докладчика. В крайнем случае он вышел бы из всех затруднений, опираясь на подлинное Евангельское постановление: Кесарево Кесарю, Божье Богу.

Так оно и есть: на земле существует особый порядок, который вытекает из идеи государственной целесообразности и национального благополучия. Во имя этих принципов мы обязаны напрячь все наши силы, чтобы освободить Россию от ее нынешних управителей. Не во имя мщения, а под давлением идеи государственности мы должны очистить Россию от большевиков и от большевизма. И больше ничего. А будущую жизнь возрожденной России мы должны строить на принципе любви, правды и справедливости. Благодаря большевикам люди стали злыми, черствыми, ненавистниками. И долго придется работать, чтобы в человеке уничтожить зверя. Поэтому сохраните Евангелие во всей его чистоте, не обезображенной линейными⁷ комментариями Ильина.

И еще раз повторяю: если его доклад был «событием», то очень печальным событием, против которого я протестую, ибо имею на это некоторое право.

На докладе г. Ильина председательствовал А. В. Карташев, председатель Национального комитета⁸, а в газетах сообщалось, что последний является одним из организаторов доклада. Против этого факта я протестую изо всех сил. И вот почему. Позвольте мне нескромность: первый, который выступил в печати (в газ<ете> «Общее дело») с призывом о созыве общерусского Национального съезда, был автор этих строк. Затем в продолжение нескольких месяцев В. Л. Бурцев и я много работали, пока наша идея не осуществилась. Цели Национального союза выражены очень ясно в программе, выработанной покойным В. Д. Набоковым и принятой первым съездом. Эта программа не имеет ничего общего с идеями Ильина. Одним из горячих

защитников (а отчасти и автором) означенной программы был А. В. Карташев. *Noblesse-oblige!*⁹ Эта программа абсолютно запрещает Национальному комитету прикрывать своим авторитетом мрачные идеи г. Ильина.

Или Национальный комитет бесславно закончит свое существование!

Черно-белое никогда не было и никогда не будет национальными цветами России. Я предпочитаю красно-бело-голубое знамя, знамя Петра Великого и Пушкина.

